

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 1 (41). С. 35–45
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2022, vol. 11, iss. 1 (41), pp. 35–45
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-35-45>

Научная статья
УДК 316.6:159.9

Особенности ролевой идентичности подростков в зависимости от социометрического статуса

С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина ✉

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

Перевозкин Сергей Борисович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии и истории психологии, per_sj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

Перевозкина Юлия Михайловна, доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, per@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

Аннотация. Цифровизация социализации личности, ее активное включение в различные социальные сети дают возможность реализации большого количества ролей без их эффективной интеграции в ролевую структуру личности. Вместе с тем средства массовой информации часто изображают ролевые модели как важные в достижении успешного включения подростков в социальную среду. Однако за последние 10 лет количество научных работ, связанных с изучением ролевых моделей, значительно уменьшилось. Приведены доводы в пользу возрождения концептуализации ролевой модели. *Цель:* выявление особенностей ролевой идентичности и установление ее взаимосвязи с социальным статусом подростков. *Предположительно* ролевые модели являются определенными конструкциями, связанными с социальным статусом подростков. В качестве методов исследования применены социометрия Дж. Морено и стимульный материал из проективной методики «Калейдоскоп» (Ю. Б. Перевозкина, Л. В. Паншина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева). Исследование выполнено на выборке учащихся общеобразовательной школы № # г. Новосибирска в возрасте 14–15 лет, из них 55 мальчиков и 40 девочек (N = 95). Установлено, что различия в ролевой идентичности зависят от социального статуса подростка (ANOVA; $p < 0,03$). Формулируется вывод о том, что школьники, получающие значительное количество эмоциональных откликов, имеющие статус «звезда» и «предпочитаемые», успешно определяют у своих одноклассников характерные для выбранной роли экспектации. Представленные в исследовании данные о ролевом поведении подростков демонстрируют важность учета ролевого освоения относительно включенности подростка в группу и могут создать основу для повышения эффективности ролевого взаимодействия в подростковых группах. **Ключевые слова:** роль, идентичность, статус, социометрия, экспектация, подростки

Информация о вкладе каждого автора. Ю. М. Перевозкина – методология и концепция исследования, анализ полученных данных, написание текста; С. Б. Перевозкин – сбор и поиск публикаций, написание текста и его оформление.

Для цитирования: Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Особенности ролевой идентичности подростков в зависимости от социометрического статуса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 1 (41). С. 35–45. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-35-45>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Impact of sociometric status on adolescent role identity

S. B. Perevozkin, Yu. M. Perevozkina ✉

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Sergey B. Perevozkin, per_sj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

Yulia M. Perevozkina, per@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

Abstract. The impact of digitalization on the process of personality socialization, a person's involvement in various social networks create an opportunity for an individual to play a large number of roles without their effective integration into one's cluster of roles. At the same time, the media often highlight the importance of role patterns in facilitating successful inclusion of adolescents in the social environment. However, over the past ten years, the number of scientific papers related to the study of role patterns has decreased significantly. The article gives arguments in favor of reviving the role theory. *The research aim* is to identify the features of role identity and establish correlation between them and social statuses of adolescents. *The article hypothesizes* that role patterns are the constructions associated with the social statuses of adolescents. The research uses the following methods: "Sociometry" (Jacob Moreno) and stimulus material from the projective technique "Kaleidoscope" (Yu. B. Perevozkina, L. V. Panshina, O. O. Andronikova, N. V. Dmitrieva). The study is carried out on a sample of teenagers studying at Novosibirsk secondary school No. # aged 14 to 15; 55 of them are boys and 40 are girls (N = 95). It is established that differences in role identity depend on the social status of a teenager (ANOVA; $p < 0,03$). The article concludes that schoolchildren who receive a significant number of emotional

responses and who have the status of “star” and “preferred” successfully determine the expectations characteristic of the chosen role in their classmates. The study presents the data on how adolescents work at their roles. These data demonstrate how significant it is to take into account the way teenagers comprehend their roles, especially regarding the inclusion of a teenager in a group. The data can create an effective basis for improving the effectiveness of interaction in adolescent groups.

Keywords: role, identity, status, sociometry, expectations, adolescents

Information on authors' contribution: Yu. M. Perevozkina came up with the idea on the concept of the research and its methodology, conducted the analysis of the data obtained, wrote the text; S. B. Perevozkin carried out a literature review, wrote and edited the text.

For citation: Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M. Impact of sociometric status on adolescent role identity. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2022, vol. 11, iss. 1 (41), pp. 35–45 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-1-35-45>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Высокая и все возрастающая актуальность психологических исследований относительно проблемы ролевого поведения очевидна и обусловлена рядом причин. Во-первых, общество на современном этапе развития вступило в эпоху сложных знаний и информационных потоков, предполагающих многомерные и разнокачественные репрезентации реальности. Во-вторых, цифровизация социализации личности и ее активное включение в различные социальные сети создают возможности для реализации большого количества ролей без их эффективной интеграции в ролевую структуру личности. В-третьих, включение в социальное пространство в виде ролевого поведения представляет собой процесс, происходящий в течение всей жизни индивида и объединяющий различные системы, такие как общество, культура, личность. Эти системные образования, в свою очередь, характеризуются многоуровневостью и поливариативностью, что требует применения новых приемов и средств научного познания, адекватных вызовам современной науки.

Анализ методологических положений отечественных и западных классических теорий относительно ролевого поведения демонстрирует, что в них в той или иной форме разработаны положения о видах и формах взаимоотношений индивида и социума. Так, в теории действия Т. Парсонса [1] ролевое поведение понимается как механизм, обеспечивающий интериоризацию личностью культурных образцов (символов, знаков, ценностей и пр.). В результате этого структурируются потребности личности, что способствует снижению напряжения, приобретению мастерства в реализации роли и установлению межличностных связей. В социальном бихевиоризме Дж. Мида [2] ролевое взаимодействие становится ключевым и основывается на трех основных категориях – Я, разум, общество. Общество, согласно Дж. Миду, – это организованные формы взаимодействия, которые зависят от разума и способности индивида оценивать свое Я с точки зрения обобщенного другого, осуществлять контроль своих реакций.

Эти формы сохраняются, изменяются в результате взаимодействия, зависящего от разума и Я. Сделав акцент на интеллектуальной способности человека, Дж. Мид считал, что именно разум позволяет индивиду понимать конвенциональные жесты и использовать их, чтобы понимать роль других. Задача, которую, в отличие от Дж. Мида, решает Я. Морено [3], более конкретизируется в представлении сетей экспектаций относительно конкретных ролей. В этой связи динамика ролевой концепции, с позиции Я. Морено, предполагает понимание общества как взаимосвязи ролей, которые регулируются связанными с ними экспектациями. Р. Линтон [4] еще больше углубил концептуализацию ролей, обозначив дифференциацию между статусом, ролью и личностью. В структурной ролевой теории статус, с точки зрения автора, представлен в виде совокупности обязанностей и прав. Роль предназначена для реализации статуса и обозначает его динамический аспект. Личность в определенном статусе выполняет обязанности, реализуя их в ролевом поведении. Вклад Р. Линтона в ролевую теорию и шире – в создание стройной социальной концепции состоял в том, что он способствовал разделению общества на четкие элементы и их взаимосвязи. Эти переменные можно было отделить от социальной структуры. Как отмечает Дж. Тернер [5], такое концептуальное разделение вскрывает особенности взаимосвязи этих элементов, поскольку принятие роли соотносится с интерпретацией ожиданий, связанных со статусом. В свою очередь, реализация этих экспектаций личностью осуществляется посредством роли. Вместе с тем соотношение роли и статуса часто вводит в заблуждение ученых, которые пытаются объяснить и найти место понятиям роли и статуса. Однако исходя из представленных исследований в ролевом подходе соотношение статуса и роли является довольно запутанными. В частности, Р. Линтон [4], введя понятие «статус» в ролевую теорию, пытался отграничить его от понятия «роль», заявляя, что статус предполагает совокупность прав и обязанностей, а роль обозначает их динамическое исполнение. По мнению Т. Шибутани [6], социальный статус выступает как процесс взаимодействия между субъектами,

в рамках которого личность ожидает определенного к себе отношения. В этой связи возникает закономерный вопрос, чем роль отличается от статуса. Согласно Р. Мертону [7], каждый индивид имеет так называемый статусный набор, а уже к каждому статусу прикреплен набор ролевой, который характерен для определенного индивида и реализуется в разных ситуациях. В свою очередь, роль, по мнению автора, имеет своеобразный экспектационный набор.

Таким образом, попытки авторов обозначить отношения между ролями и статусами пока не нашли ответа, который способствовал бы концептуализации этих понятий. Чтобы прояснить сложную природу статуса и статусных споров, обратимся к терминологии. Следуя общепринятому использованию, как основное значение термина «статус» понимают социальный ранг, положение в социальной иерархии [8]. Концептуальное согласие между исследователями социального статуса в значительной степени ограничивается представлением о том, что статус является позицией, отражающей иерархию в отношениях. Таким образом, авторы говорят о более высоком и более низком статусе. Первый является центральным для человека, потому что позволяет удовлетворить стремление к позитивному самоопределению. В результате обладания таким статусом индивид переживает субъективное благополучие, а также способен оказывать влияние на членов общества с более низким рейтингом.

С точки зрения Р. Тернера [9], для изучения ролевого поведения необходимо дифференцировать основные типы ролевого поведения в связи с понятиями «эмпатия» и «референтная группа». Роль может включать, а может и не включать принятия точки зрения другого как своей. Роль может быть рефлексивной, а может и не быть. Такие различия связаны с функциями роли в приобретении ценностей и с осознанием своего поведения. Автор объясняет механизмы поведения субъектов в группе, детерминированные типом ролевого поведения (импульсивные, творческие, активные, пассивные и т. д.), мотивами и установками индивидов. В процессе взаимодействия индивиды начинают образовывать новые нормы, которые могут быть предложены одним из участников. В случае если эти нормы не подхватываются большинством субъектов, на роль лидера для создания норм выбирается новый участник.

Таким образом, поведение индивида в ролевом подходе определяется экспектациями, детерминированными различными источниками и связанными с определенным социальным статусом. Среди источников выделяют социальные сценарии, что соответствует парсоновской системе культуры (культурные образцы), жесты

других и их интерпретация и экспектации аудитории, которые должны быть интериоризированы личностью в виде руководства к действию. Следовательно, тезис об обусловленности социальной структуры экспектациями лежит в основе теории ролей, которая подразумевает разнообразие ожиданий.

Однако, несмотря на многочисленные исследования в контексте ролевого подхода, существуют работы, в которых представлена критика объяснения поведения человека с позиции ролевых теорий. В частности, Дж. Джексон [10] утверждает, что ролевая теория не может адекватно объяснять сложное взаимодействие индивидов и социальных агентов. По мнению автора, понимание человеческой деятельности в рамках ролей сводит к минимуму спонтанность личности, поскольку субъекты ежедневно адаптируются и импровизируют в разных ситуациях, чтобы достичь своих целей. Еще одно критическое замечание относительно ролевой теории состоит в том, что она способствует статическому и сегментированному описанию человеческого поведения и деятельности.

В определенной степени замечания, высказанные Дж. Джексоном, отражают ограничения ролевых теорий, но вместе с тем приведем некоторые аргументы в пользу ролевого подхода в изучении личности. Безусловно, если рассматривать роли как отдельный социально-психологический феномен, они действительно будут отражать статичные и дискретные описания человеческого поведения и деятельности, что вовсе не способствует объяснению разнообразного и многовариантного поведения человека. Вместе с тем, опираясь на системный и метасистемный (постнеклассический вариант системного) подходы [11], мы предлагаем рассматривать роли как компоненты нескольких систем личности, культуры и социума [12]. Так, роли как статичные модели принадлежат к более общей системе социального, и встраиваясь в личность, становятся ее компонентами и регулируют ее поведение. При этом, с одной стороны, личностью учитываются ожидания, являющиеся элементами еще одной метасистемы – культуры – и связанные с конкретными ролями, а с другой стороны, роль наполняется индивидуальными аспектами, характерными для конкретного субъекта (темперамент, мотивация, ценности, потребности, интересы и пр.) и принадлежащими к системе личности. В этом случае, как пишет И. С. Кон [13] поведение личности становится ролевым, а роль – личностной. Кроме того, в процессе любой деятельности личность оказывается включенной в разнообразные социальные ситуации и в результате способна подобрать роль, предполагающую определенные экспектации, и реализовать ее в поведении для

удовлетворения своих потребностей. В случае если роль не соответствует социальной ситуации, индивид может перестроить программу и подобрать другую потенциальную роль, иначе его поведение может носить асоциальный характер. Именно при таком варианте роль приобретает темпоральный характер, отражающий синхроничность и диахроничность в их целостности. Вместе с тем следует отметить, что несовпадение ожиданий, потребностей роли или социальной ситуации может приводить к ролевому конфликту. Так, согласно С. Maden-Eyiusta [14], ролевые конфликты обусловлены чаще всего ролевой неоднозначностью. Результаты проведенного автором исследования показали, что ролевой конфликт отрицательно связан с принятием на себя ответственности, в то время как неоднозначность ролей отрицательно связана с индивидуальными инновациями.

Необходимо отметить, что концепт роли, с точки зрения И. С. Кона [13], занимает центральное место именно в подростковом возрасте и изучение ассимиляции ролей у подростков открывает новые горизонты в исследовании ролевого поведения личности. Это связано с особенностями подросткового возраста, которые характеризуются развитием рефлексии, позволяющей осознать собственные мотивы, потребности, качества, интересы и пр., оказывающие влияние на интеграцию роли в структуру личности [15]. В этом возрасте происходит становление самосознания – новообразования, на которое одним из первых указал Л. С. Выготский [16]. Подросток открывает свою уникальность, которая отличает его от установок родителей. Это, в свою очередь, порождает критическое отношение к ассимиляции ролей, в отличие от их имитации в детском возрасте [12]. Подросток способен проанализировать ролевые экспектации, сопоставить их со своими личностными особенностями и интернализировать роль на этих условиях. При этом он отказывается от родительских установок. Влияние на ассимиляцию подростками роли оказывают и другие факторы. Так, результаты, полученные А. Martínez-Rampliega et al. [17] при изучении влияния структуры семьи, семейного конфликта и других факторов на переживание подростками ролевого конфликта, продемонстрировали, что структура семьи значимого влияния не оказывает. В то же время враждебность и агрессивность в семье оказывали статистически значимое воздействие. Влияние индивидуалистической и коллективистской культуры на интериоризацию социальных ролей и их экспектаций было продемонстрировано в одном из недавних исследований J. Zhang et al. [18], обнаруживших, что высокая гендерная идентич-

ность в подростковом возрасте была связана с более высоким риском употребления алкоголя среди мальчиков, тогда как среди девочек такая связь не была статистически значимой. В то же время результаты исследования, проведенного F. Danioni et al. [19], показали, что мальчики с выраженной гендерной идентичностью более склонны к азартным играм, в отличие от девушек, которым это не свойственно. Эти работы позволяют сделать вывод, что сильная идентификация со своей гендерной ролью безопасна для девочек, тогда как для мальчиков оптимальной была бы умеренная гендерная идентичность. С учетом высокой включенности подростков в интернет-среду достаточно весомыми являются работы, в которых внимание сфокусировано на изучении социальных ролей в онлайн-пространстве. Анализ данных о формировании экспектаций относительно социальной роли и возможностях компьютерных технологий позволил R. D. Johnson et al. [20] сделать вывод о существовании четырех категорий таких ожиданий: 1) интеллекта; 2) социальности; 3) контроля; 4) контроля прав. Результаты также показали, что у студентов экспектации были связаны с полом, опытом работы с компьютером, а также с локусом контроля, самооценкой, невротизмом и общей компьютерной самоэффективностью. Согласно И. А. Федосеевой с соавторами [21], успешное освоение ролей обучающимися связано с эффективным включением индивида в группу и способствует его социальной адаптации. Авторами отмечается, что роли, являясь компонентами системы социального, встраиваются в систему личности, обеспечивая индивиду необходимый адаптивный потенциал.

Таким образом, несмотря на имеющиеся в литературе критические замечания относительно места теории ролей в науке [10], необходимо отметить важность изучения ролевого поведения, особенностей ассимиляции ролей в подростковом возрасте, поскольку именно в этом возрасте ребенок включается в новые социальные группы, приобретает новые социальные роли. В этой связи авторы ставят перед собой целью оценку ролевой идентичности и ее связи с социальными статусами подростков. В работе проверялись две гипотезы. *Первая гипотеза* включала предположение о том, что подростки, имеющие более высокий социометрический статус, будут более точны в оценке относительно ролевой идентичности своих одноклассников. *Вторая гипотеза* была связана с тем, что ролевая идентичность учащихся, пользующихся популярностью в классе (имеющих более высокий социометрический индекс), будет с большей долей вероятности верно определена их одноклассниками.

Материалы и методы исследования

Участники. В исследовании приняли участие 95 школьников в возрасте 14–15 лет, из них 55 мальчиков и 40 девочек. База исследования – МБОУ СОШ № # г. Новосибирска.

Методики. Применены метод социометрии (Я. Морено) и стимульный материал из проективной методики «Калейдоскоп» ((Ю. Б. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева), предназначенной для изучения ролевого профиля [22].

Дизайн исследования предполагал изучение социометрических статусов у подростков, заключающееся в том, что в одном классе учащимся предлагалось выбрать три своих одноклассника, с которыми им хотелось бы учиться в новом классе, при условии если их класс будет расформирован. Также испытуемым необходимо было выбрать три своих одноклассника, с которыми они не хотели бы учиться в новом классе, при условии если их класс будет расформирован. Затем строилась социоматрица, по которой рассчитывались социометрические индексы для каждого респондента по формуле

$$C_i = \frac{\sum_{i=1} N(R_i^- + R_i^+)}{N - 1},$$

где C_i – социометрический статус i -члена, R_i^+ – полученные i -членом положительные выборы, R_i^- – полученные i -членом отрицательные выборы, Σ – знак алгебраического суммирования числа полученных выборов i -члена, N – число участников группы.

На основании индексов каждому из подростков присваивался социометрический статус.

Затем подросткам предлагались 10 фигур – старуха, старик, мать, отец, дева, герой, ведьма, трикстер, девочка, мальчик. Из этого ряда нужно было выбрать роль, с которой подростки идентифицируют себя в большей степени, написать, что делает их похожими на эту роль (экспектации), после чего сопоставить каждого учащегося из своего класса с одной ролью и зафиксировать в специальном бланке свой выбор, а также объ-

яснение своего сопоставления в виде характеристик. Таким образом, каждый участник в итоге получал социометрический статус, собственную идентификацию с ролью, ее экспектацию, идентификацию другими его с ролью и ее экспектацию. Кроме того, проводилось обсуждение выбранных ролей и экспектаций, при этом учащиеся оценивали в один балл совпадение своего выбора роли для своего одноклассника и ролевой идентичности этого одноклассника (совпадения Я). Также респонденты рассчитывали совпадение между выбранной ими ролью и ролью, определенной им одноклассниками (совпадения другой).

Методы. Для статистической обработки результатов исследования применены частотный анализ и критерий χ^2 -Пирсона для определения сопряженности между полом, ролью и ожиданиями. Данный анализ позволяет определить сопряженность данных, представленных в номинативной шкале [23]. При этом анализируется соотношенность этих переменных в процентном соотношении. Кроме того, применялся ANOVA – однофакторный дисперсионный анализ для изучения влияния социальных статусов на оценку одноклассниками ролевой идентичности подростков. Все расчеты производились в программе STATISTICA Advanced+QC 10 for Windows Ru.

Результаты

Представленные результаты социометрических статусов подростков демонстрируют, что у большинства учащихся – статус предпочитаемых (57%), характеризующихся популярностью в группе и получающих эмоциональное одобрение большинства одноклассников (рис. 1).

Необходимо отметить, с одной стороны, значительную долю (31%) пренебрегаемых школьников, которые получили как положительный, так и отрицательный выбор. С другой стороны, отмечено оптимальное состояние межличностных отношений – не было обнаружено ни одного изгоя. И, наконец, 12% составили подростки, имеющие высокую популярность в классе.

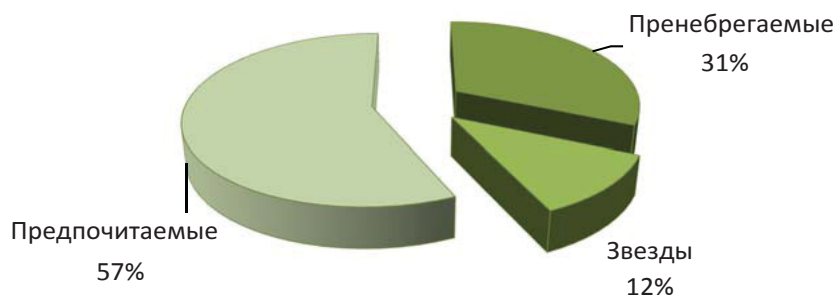

Рис. 1. Процентное распределение подростков по социометрическим статусам
Fig. 1. Percentage distribution of adolescents by sociometric statuses

Результаты ролевой идентичности отражают то, что для большинства подростков характерна идентификация с ролью, соответствующей возрастному диапазону. Так, большинством подростков выбраны роли героя (21%) и дева (32%), относящиеся к периоду молодости (рис. 2).

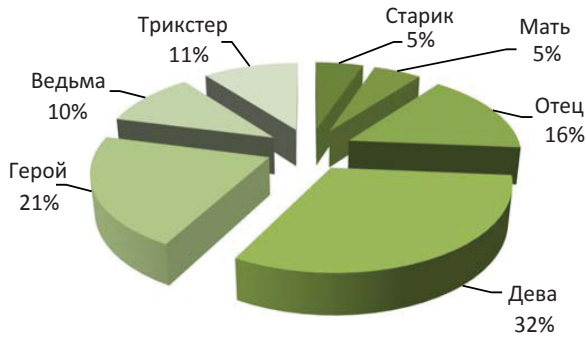

Рис. 2. Процентное распределение ролевой идентичности у подростков
Fig. 2. Percentage distribution of role identity in adolescents

При этом у большинства учащихся имеется выраженная полоролевая идентичность, так как установлена статистически значимая сопряженность ($p = 0,001$) между полом и ролевой идентичностью (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сопряженность ролевой идентичности, пола и ожиданий у подростков
Conjugacy of role identity, gender and expectations in adolescents

Сопрягаемые переменные	χ^2 -Пирсона	Ст. св.	p
Пол и роль Я	41,61648	сс = 6	0,001
Роль Я и ожидания	121,5774	сс = 54	0,001

Примечание. χ^2 -Пирсона – критерий Пирсона; Ст. св. – степень свободы; p – уровень значимости.
Note. χ^2 -Pearson – Pearson criterion; St. sv. – degree of freedom; p – significance level.

Так, девочкам в большей степени свойственна идентификация с ролью дева (55%) (табл. 2),

характеризующейся, по данным Ю. М. Перевозкиной [12], невинностью, чистотой, эмоциональностью, подчиненностью. Данная роль связывается девочками с добротой, спокойствием и интеллектом.

Мальчики продемонстрировали ролевую идентификацию с относящейся к периоду молодости ролью героя (38%), подчиненной мотиву достижения, стремления к победе, независимости, что схоже с характеристиками «крутой» и «смелый», даваемыми детьми. Также значительная часть подростков, которые идентифицируются с ролью отца (37%), принадлежащей к периоду взрослости и предполагающей способность к руководству, защите и контролю окружающих, что вызывает у подростков ожидания, связанные с умом, силой, спокойствием.

У девочек на втором месте находится идентичность с ролевой моделью ведьмы (18%), которая характеризуется ими как независимая, красивая, умная, что совпадает с ожиданиями данной роли, отмечаемой в наших исследованиях [12]. По 9% девочек сопоставляют себя с тремя ролями – мать, отец и трикстер. С ролью матери, стремящейся к заботе о близких, оказанию помощи, в представлении респонденток связаны доброта и честность. Интересен факт обнаружения в исследовании инвертированной гендерной идентичности у девочек, которые выбрали мужские роли – отца и трикстера. Роль трикстера, по данным Ю. М. Перевозкиной, предполагает свободу от каких-либо социальных норм, спонтанность, агрессивность, получение удовольствия от жизни, лживость. В ожиданиях подростков эта роль связана с весельем. В отличие от девочек мальчики выбирали для собственной идентичности только роли, соответствующие их полу. Кроме роли трикстера подростки мужского пола выбрали роль старика (12%), символизирующую мудрость и назидательность. Эта роль в установках подростков имеет такие ожидания, как спокойствие и скука.

Таблица 2 / Table 2

Соотнесение роли и ожиданий у подростков
Correlation of roles and expectations in adolescents

Ролевая идентичность	М, %	Д, %	Ожидания	%	Ожидания	%	Ожидания	%
Старик	12	–	Спокойный	43	Скучный	31	–	–
Мать	–	9	Добрая	53	Честная	23	–	–
Отец	37	9	Умный	39	Сильный	25	Спокойный	21
Дева	–	55	Добрая	41	Спокойная	27	Умная	19
Герой	38	–	Крутой	27	Смелый	27	–	–
Ведьма	–	18	Независимая	51	Красивая	19	Умная	19
Трикстер	12	9	Веселый	71	Неадекватный	22	–	–

Примечание. М – мальчики; Д – девочки; Ожидания – ожидания, наиболее часто предлагаемые подростками.
Note. Role identity – the column shows the roles that teenagers identified with; Exp. – expectations most frequently offered by teenagers. % – percentage.

С целью изучения влияния социального статуса на способность подростков к оценке ролевой идентичности применялся однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), используемый в случае однородности дисперсий, которая установлена с помощью критерия Leven (табл. 3). В ходе дисперсионного анализа проверялась гипотеза о различиях в зависимости от социометрического статуса по параметрам совпадения ролевой

идентичности самого подростка (совпадение Я), угадывания ролевой идентичности подростка его одноклассниками (совпадения другие), и совпадения ожиданий. Группирующей переменной выступил социометрический статус, имеющий три градации: 1) звезды; 2) предпочитаемые; 3) пренебрегаемые. В качестве зависимых переменных выступили «совпадение ожиданий», «совпадения Я», «совпадения меня».

Таблица 3 / Table 3

Оценка достоверности различий в ролевой идентичности и ее определении другими и однородности дисперсий у подростков с разным социометрическим статусом
Assessment of reliability of differences in role identity and its acknowledgment by others and homogeneity of variability in adolescents with different sociometric statuses

Признаки	ANOVA		Leven	
	F	p	F	p
Совпадение ожиданий	4,91	0,011	0,846	0,447
Совпадения Я	12,60	0,000	1,362	0,284
Совпадения меня	4,02	0,024	1,339	0,290

Примечание. F – эмпирическое значение критерия Фишера, рассчитываемого в рамках ANOVA и критерия Leven; p – уровень значимости.

Note. F – empirical value of the Fisher criterion calculated within the framework of ANOVA and Leven criterium; p – significance level.

Результаты исследования демонстрируют, что идентификация роли как самого себя, так и у других зависит от социального статуса подростков ($p < 0,03$). Апостериорные сравнения (критерий LSD – критерий наименьших зна-

чимых различий) позволяют утверждать, что по всем трем параметрам различаются между собой учащиеся, имеющие статус «звезды» и «пренебрегаемых», а также «предпочитаемых» и «пренебрегаемых» ($p < 0,05$) (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Оценка достоверности различий в ролевой идентичности, ожиданиях подростков и их определении другими одноклассниками с разным социометрическим статусом, баллы (критерий LSD)
Assessment of reliability of differences in role identity, expectations of adolescents and their acknowledgement by other classmates with different sociometric statuses (LSD criterion)

Группа	Совпадения Я			Совпадения меня			Совпадение ожиданий		
	{1} – M = 4,1	{2} – M = 5,0	{3} – M = 6,5	{1} – M = 4,0	{2} – M = 7,0	{3} – M = 6,0	{1} – M = 3,1	{2} – M = 6,0	{3} – M = 4,9
{1}		0,000	0,000		0,000	0,000		0,000	0,000
{2}	0,000		0,000	0,000		0,000	0,000		0,000
{3}	0,000	0,000		0,000	0,000		0,000	0,000	

Примечание. Группы подростков с разным социометрическим статусом: пренебрегаемые {1}; звезды {2}; предпочитаемые {3}; M – среднее значение в баллах по каждому параметру в каждой группе. Цифра в ячейках – уровень значимости при парном сравнении групп.

Note. Groups of teenagers with different sociometric statuses have the following designation: Neglected {1}; Stars {2}; Preferred {3}. M is the average value for each parameter in each group. The figure in the cells is the level of significance when comparing groups with each other in pairs.

Были обнаружены различия между подгруппами подростков со статусом «звезда» и «пренебрегаемые» по параметру «совпадения Я», а также «звезда» и «предпочитаемые» по всем переменным ($p < 0,001$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что подростки, имеющие статус «звезда» и «предпочитаемые», успешно определяют ролевую

идентичность своих одноклассников и характерные для выбранной роли качества, которые совпадают с теми характеристиками, которые были выбраны самим обладателем роли. При этом был обнаружен феномен оптимума, заключающийся в том, что наиболее высокие значения определения ролевой идентичности обнаруживаются на среднем уровне показателя. Иначе говоря, наиболее точный прогноз ролевой идентичности был зафиксирован в группе «предпочитаемые» ($M = 6,5$ балла), тогда как в группе «звезды» «угадывание» ролевой идентичности своих одноклассников несколько ниже ($M = 5$ баллов). Такие результаты свидетельствуют, что наиболее популярные подростки отличаются определенным эгоцентризмом, в большей степени заняты собой и меньше внимания уделяют своим одноклассникам.

В то же время учащиеся, пользующиеся в классе популярностью, чаще всего более «понятны» для своих одноклассников. Роли таких респондентов больше всего были «угаданы» другими подростками. По параметру «совпадения меня» у популярных подростков (группа «звезды») обнаружено самое высокое значение совпадений ($M = 7$ баллов). Наиболее низкие результаты демонстрируют респонденты, имеющие статус «пренебрегаемые». Им с трудом удается понять, в какой роли находится партнер по коммуникации ($M = 4,1$ балла). Кроме того, они, как правило, не включены в сам процесс коммуникации, стараются как можно меньше общаться с одноклассниками, скрытны, из-за чего их одноклассникам также сложно определить их идентификационную роль ($M = 4$ балла) и ожидания ($M = 3,1$ балла).

Наши результаты приводят к пониманию того, что наиболее популярные подростки активны в реализации своей роли и открыто проявляют себя. В то же время у подростков с проблемами в общении возникают сложности при определении ролей одноклассников и их ожиданий. Ролевую модель таких респондентов также сложно определить, поскольку они не включены в процесс коммуникации, скрытны и замкнуты, в то время как учащиеся со статусом «звезда» и «предпочитаемые» обнаруживают способность к более точной оценке ролевой идентичности своих одноклассников. Согласно А. Р. Voyer et al. [24], социометрический статус в группе может влиять на развитие способности интерпретировать намерения других подростков. Результаты исследования R. da Silva Macuch et al. [25] показали, что социометрия может быть мощным инструментом для изучения коммуникации подростков в школьной среде. Следовательно, эффективность оценки как ролевой идентичности, так и ролевых ожиданий подростков тесно связана с социальной компетентностью, выражающейся в способности занимать высокое положение в со-

циальной группе. В связи с этим можно отметить, что популярные подростки отличаются высокими развитыми навыками социальной инициации, гибкостью в интерпретации поведения сверстников и способностью эффективно реагировать на отношение сверстников.

Кроме того, необходимо отметить, что большинство подростков идентифицируют себя с соответствующей половозрастной ролью. Так, мальчики выбирали для собственной идентичности только роли, соответствующие их полу. Вместе с тем определенная часть девочек идентифицирует себя с мужскими ролями. Полученные нами данные совпадают с существующими данными относительно обретения женственной маскулинной идентичности [26]. Одновременно с этим в исследованиях Н. К. Ма [27] установлена связь между гендерными ролями и просоциальным / асоциальным поведением у подростков в возрасте 13–17 лет ($N = 505$). Автор обнаружил, что просоциальное поведение было положительно связано с гендерной идентичностью. Было выявлено, что наиболее высокая вероятность асоциального поведения прогнозируется у подростков с недифференцированной гендерной идентичностью, а на втором месте стояли подростки с выраженной маскулинностью. Это свидетельствует о значимости идентификации со своей полотилической ролью в подростковом возрасте. Кроме того, выявленные ожидания подростков относительно 10 ролевых моделей, соответствуют общественным ожиданиям [12]. Следовательно, уже в подростковом возрасте обеспечивается возможность освоения культурных и социальных знаний, связанных с ролевыми моделями.

Полученные результаты приводят к важному следствию, подтверждающему наличие культурных универсалий. В этом контексте специфицирующими чертами культуры являются чувствительность к микро- и макросреде, а неспецифицирующими – символически организованные культурные образы, традиции, ритуалы, опосредующие ролевые модели [28, 29]. Такая чувствительность доказывает наличие определенных социокультурных ожиданий, связанных с конкретной ролью, опосредованных интеграцией индивида в культурное пространство символов, традиций, норм и правил, обуславливающих успешное полоролевое функционирование индивида в социальном пространстве [30].

Несмотря на значительное разнообразие ролевых социокультурных ожиданий, необходимо отметить их связанность с ролевой моделью. Изучение убеждений и ожиданий относительно социальных ролей важно еще и потому, что они формируют индивидуальный образ личности и представление о своих ролях. В свою очередь, ролевые модели, принадлежащие, по существу, к

социальному пространству как отдельной системе, встраиваются в структуру личности в виде идеальных ролевых моделей, оказывают влияние на организацию ее ролевого поведения. Известно положение, которое раскрыто А. В. Карповым [31] в рамках метасистемного подхода, предполагающее, что в качестве компонентов самого содержания ролевой идентичности личности могут выступать, а затем занимать доминирующее положение такие образования, которые атрибутивно соответствуют не «внутреннему» содержанию субъекта, а содержанию системы социального (в нашем случае социальным ролям), которое не просто входит и влияет на ролевую идентичность личности, но во многом образует ее, составляя ее онтологическую основу. Социальное в качестве ролей представлено сущностью, в которую индивид включен. Таким образом, «внешне» представленные ролевые модели становятся внутренним содержанием личности (в превращенной – идеальной форме, т. е. в форме информационных дубликатов). Следовательно, компонентами ролевой идентичности личности являются сущности, которые исходно выступали по отношению к ней как метакомпоненты, как части другой системы, а значит, в процессе взаимодействия личности и социума обеспечивается необходимый адаптивный потенциал.

Представленные в исследовании данные относительно ролевого поведения подростков демонстрируют важность учета ролевого освоения относительно включенности подростка в группу и могут послужить основой для повышения эффективности ролевого взаимодействия в подростковых группах в целях повышения социальных статусов подростков.

Выводы

Анализ ролевой идентичности подростков и их способности к определению ролевой идентичности другого показал следующее.

1. Социометрический статус подростков тесно связан с успешностью ролевого освоения и последующей оценкой ролевых моделей у других подростков. Респонденты, имеющие более высокий социометрический статус, более эффективно включены в социальную группу. Такие подростки успешно определяют у своих одноклассников характерные для выбранной роли качества, которые совпадают с характеристиками, выбранными самим обладателем роли. Кроме того, учащиеся, пользующиеся популярностью в классе, чаще всего более «понятны» для своих одноклассников. Роли таких детей больше всего были «угаданы» подростками. В этой связи можно отметить, что популярные подростки отличаются хорошо

развитыми навыками социальной инициации, гибкостью в интерпретации поведения сверстников и способностью эффективно реагировать на отношение сверстников.

2. Социометрический статус в группе может влиять на развитие способности интерпретировать намерения других подростков. Эффективность оценки как ролевой идентичности, так и ролевых ожиданий подростков зависит от социальной компетентности, выражающейся в способности занимать высокое положение в социальной группе.

3. В качестве компонентов самого содержания ролевой идентичности личности могут выступать, а затем занимать доминирующее положение образования, которые атрибутивно соответствуют не «внутреннему» содержанию субъекта, а содержанию системы социального, которое не просто входит и влияет на ролевую идентичность личности, но во многом образует ее, составляя ее онтологическую основу.

Библиографический список

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2002. 880 с.
2. Mead G. H. The Social Self // *Interpersonal and Biological Processes*. 1978. Vol. 41, iss. 2. P. 178–182. DOI: 10.1080/00332747.1978.11023971
3. Морено Я. Л. Социометрия : Экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. М. : Академический проект, 2004. 320 с.
4. Linton R. *The Study of Man*. New York : Appleton Century Crofts, Inc., 1936. 523 p.
5. Тернер Дж. Структура социологической теории / пер. с англ. М. : Прогресс, 1985. 447 p.
6. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 544 с.
7. Merton R. K. Inter marriage and the Social Structure // *Interpersonal and Biological Processes*. 2016. Vol. 3, iss. 4. P. 361–374. DOI: 10.1080/00332747.1941.11022354
8. Wolf R. Taking interaction seriously: Asymmetrical roles and the behavioral foundations of status // *European Journal of International Relations*. 2019. Vol. 25, iss. 4. P. 1186–1211. DOI: 10.1177/1354066119837338
9. Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior // *American Journal of Sociology*. 1956. Vol. 61, no. 4. P. 316–328.
10. Jackson J. Contemporary criticisms of role theory // *Journal of Occupational Science*. 1998. Vol. 5, iss. 2. P. 49–55. DOI: 10.1080/14427591.1998.9686433
11. Карпов А. В., Перевозкина Ю. М. Структурно-темпоральная системность ролевой социализации // *Системная психология и социология*. 2019. № 3 (31). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.01
12. Перевозкина Ю. М. Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. 306 с.

13. Кон И. С. Психология старшеклассника. М. : Просвещение, 2007. 192 с.
14. Maden-Eyiusta C. Role conflict, role ambiguity, and proactive behaviors: does flexible role orientation moderate the mediating impact of engagement? // *The International Journal of Human Resource Management*. 2021. Vol. 32, no. 13. P. 2829–2855. DOI: 10.1080/09585192.2019.1616590
15. Перевозкин С. Б., Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М. Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. Т. 8, № 1. С. 23–44. DOI: 10.15293/2226-3365.1801.02
16. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М. : Смысл ; Эксмо, 2004. 512 с.
17. Martínez-Pampliega A., Cormenzana S., Corral S., Iraurgi I., Sanz M. Family structure, interparental conflict & adolescent symptomatology // *Journal of Family Studies*. 2021. Vol. 27, iss. 2. P. 231–246. DOI: 10.1080/13229400.2018.1536609
18. Zhang J., Zuo X., Yu C., Lian Q., Tu X., Lou C. The Association between Gender Role Attitudes and Alcohol Use among Early Adolescents in Shanghai, China // *Substance Use & Misuse*. 2021. Vol. 56, iss. 9. P. 1403–1410. DOI: 10.1080/10826084.2021.1928214
19. Danioni F., Ranieri S., Villani D. The Role of Personal Values in Gambling: A Preliminary Study with Italian Adolescents // *The Journal of Genetic Psychology*. 2020. Vol. 181, iss. 6. P. 413–426. DOI: 10.1080/00221325.2020.1790491
20. Johnson R. D., Marakas G. M., Palmer J. W. Beliefs about the social roles and capabilities of computing technology: development of the computing technology continuum of perspective // *Behaviour & Information Technology*. 2008. Vol. 27, iss. 2. P. 169–181. DOI: 10.1080/01449290600959104
21. Федосеева И. А., Перевозкина Ю. М., Гупалов М. М. Ролевая структура курсантов с разным уровнем социальной адаптации // *Перспективы науки и образования: международный электронный научный журнал*. 2019. № 3 (39). С. 356–372. DOI: 10.32744/pse.2019.3.27
22. Перевозкина Ю. М., Панышина Л. В., Андронникова О. О., Дмитриева Н. В. Новосибирский гос. пед. ун-т. Способ оценки психосоциального профиля личности. Патент на изобретение RU 2 625 284 С1. МПК А 61 М 21/00. № 2625284; Заявл. 18.02.2016; Опубл. 12.07.2017.
23. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б. Основы математической статистики в психолого-педагогических исследованиях: учеб. пособие: в 2 ч. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. Ч. 2. 242 с.
24. Voyer A.-P., Tessier R., Nadeau L. Sociometric status and the attribution of intentions in a sample of adolescents with cerebral palsy // *Disability and Rehabilitation*. 2017. Vol. 39, iss. 5. P. 477–482. DOI: 10.3109/09638288.2016.1147618
25. Da Silva Macuch R., Vaz H. M. The Development of Relational Competences in High School Students by Means of Sociometric Methods // *The Journal for Specialists in Group Work*. 2015. Vol. 40, iss. 2. P. 225–242. DOI: 10.1080/01933922.2015.1017066
26. Silva W. R., Lisboa T., Folle A., Cardoso L. F. Athlete's role identity: An integrative review of measurement instruments // *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2020. Vol. 26, no. 1. P. 220–240. DOI: 10.1590/1517-869220202601186411
27. Ma H. K. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents // *The Journal of Genetic Psychology*. 2005. Vol. 166, iss. 2. P. 189–202. DOI: 10.3200/GNTP.166.2.189-202
28. Claes R., Hiel E., Smets J., Luca M. Socializing Hungarians in Transylvania, Romania: A case of international organizational socialization // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2006. Vol. 15, iss. 3. P. 300–321. DOI: 10.1080/13594320500441545
29. Clark P. W., Martin C. A., Bush A. J. The Effect of Role Model Influence on Adolescents' Materialism and Marketplace Knowledge // *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2001. Vol. 9, iss. 4. P. 27–36. DOI: 10.1080/10696679.2001.11501901
30. Карпов А. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О. Темпоральная системность ролевой социализации личности // *Перспективы науки и образования: международный электронный научный журнал*. 2019. № 5 (41). С. 359–372. DOI: 10.32744/pse.2019.5.25
31. Карпов А. В. Психология сознания : Метасистемный подход. М. : РАО, 2011. 1020 с.

References

1. Parsons T. *Structura of Social Action*. New York, London, McGraw Hill, 1937. 775 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O struktura social'nogo deystviya*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 808 p.)
2. Mead G. H. The Social Self. *Interpersonal and Biological Processes*, 1978, vol. 41, iss. 2, pp. 178–182. DOI: 10.1080/00332747.1978.11023971
3. Moreno J. L. *Sotsiometriya: Eksperimental'nyi metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry: Experimental method and the science of society]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 320 p. (in Russian; trans. from English).
4. Linton R. *The Study of Man*. New York, Appleton Century Crofts, Inc., 1936. 523 p.
5. Turner J. H. *The Structure of Sociological Theory*. Homewood, Illinois, The Dorsey Press, 1978. 472 p. (Russ. ed.: Turner J. *Struktura sotsiologicheskoy teorii*. Moscow, Progress Publ., 1985. 447 p.)
6. Shibutani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2002. 544 p. (in Russian; trans. from English).
7. Merton R. K. Inter marriage and the Social Structure. *Interpersonal and Biological Processes*, 2016, vol. 3, iss. 4, pp. 361–374. DOI: 10.1080/00332747.1941.11022354
8. Wolf R. Taking interaction seriously: Asymmetrical roles and the behavioral foundations of status. *European Journal of International Relations*, 2019, vol. 25, iss. 4, pp. 1186–1211. DOI: 10.1177/1354066119837338
9. Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior. *American Journal of Sociology*, 1956, vol. 61, no. 4, pp. 316–328.

10. Jackson J. Contemporary criticisms of role theory. *Journal of Occupational Science*, 1998, vol. 5, iss. 2, pp. 49–55. DOI: 10.1080/14427591.1998.9686433
11. Karpov A. V., Perevozkina Yu. M. Structural and temporal system of role socialization. *Systems Psychology and Sociology*, 2019, vol. 31, no. 3 (31), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.01
12. Perevozkina Yu. M. *Substantsional'no-temporal'naya sistemnost' rolevoy sotsializatsii lichnosti* [The substantial temporal system of role-based socialization of personality]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2019. 306 p. (in Russian).
13. Kon I. S. *Psikhologiya starsheklassnika* [Psychology of High School Student]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 192 p. (in Russian).
14. Maden-Eyiusta C. Role conflict, role ambiguity, and proactive behaviors: does flexible role orientation moderate the mediating impact of engagement? *The International Journal of Human Resource Management*, 2021, vol. 32, no. 13, pp. 2829–2855. DOI: 10.1080/09585192.2019.1616590
15. Perevozkin S. B., Andronnikova O. O., Perevozkina Y. M. Role structure of adolescents in interaction. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 23–44. DOI: 10.15293/2226-3365.1801.02 (in Russian).
16. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya razvitiya rebenka* [Psychology of Child Development]. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ., 2004. 512 p. (in Russian).
17. Martínez-Pampliega A., Cormenzana S., Corral S., Iraurgi I., Sanz M. Family structure, interparental conflict & adolescent symptomatology. *Journal of Family Studies*, 2021, vol. 27, iss. 2, pp. 231–246. DOI: 10.1080/13229400.2018.1536609
18. Zhang J., Zuo X., Yu C., Lian Q., Tu X., Lou C. The Association between Gender Role Attitudes and Alcohol Use among Early Adolescents in Shanghai, China. *Substance Use & Misuse*, 2021, vol. 56, iss. 9, pp. 1403–1410. DOI: 10.1080/10826084.2021.1928214
19. Danioni F., Ranieri S., Villani D. The Role of Personal Values in Gambling: A Preliminary Study with Italian Adolescents. *The Journal of Genetic Psychology*, 2020, vol. 181, iss. 6, pp. 413–426. DOI: 10.1080/00221325.2020.1790491
20. Johnson R. D., Marakas G. M., Palmer J. W. Beliefs about the social roles and capabilities of computing technology: Development of the computing technology continuum of perspective. *Behaviour & Information Technology*, 2008, vol. 27, iss. 2, pp 169–181. DOI: 10.1080/01449290600959104
21. Fedoseeva I. A., Perevozkina Y. M., Gupalov M. M. The role structure of cadets with different social adaptability levels. *Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 3 (39), pp. 356–372. DOI: 10.32744/pse.2019.3.27 (in Russian).
22. Perevozkina Yu. M., Panshina L. V., Andronnikova O. O., Dmitrieva N. V. *A method for assessing the psychosocial profile of a person*. RU 2 625 284 C1.
23. Perevozkina Yu. M., Perevozkin S. B. *Osnovy matematicheskoy statistiki v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh: v 2 ch.* [Fundamentals of Mathematical Statistics in Psychological and Pedagogical Research: in 2 parts]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2014. Part 2. 242 p.
24. Voyer A.-P., Tessier R., Nadeau L. Sociometric status and the attribution of intentions in a sample of adolescents with cerebral palsy. *Disability and Rehabilitation*, 2017, vol. 39, iss. 5, pp. 477–482. DOI: 10.3109/09638288.2016.1147618
25. Da Silva Macuch R., Vaz H. M. The Development of Relational Competences in High School Students by Means of Sociometric Methods. *The Journal for Specialists in Group Work*, 2015, vol. 40, iss. 2, pp 225–242. DOI: 10.1080/01933922.2015.1017066
26. Silva W. R., Lisboa T., Folle A., Cardoso L. F. Athlete's role identity: An integrative review of measurement instruments. *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*, 2020, vol. 26, no. 1, pp 220–240. DOI: 10.1590/1517-869220202601186411
27. Ma H. K. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents. *The Journal of Genetic Psychology*, 2005, vol. 166, iss. 2, pp. 189–202. DOI: 10.3200/GNTP.166.2.189-202
28. Claes R., Hiel E., Smets J., Luca M. Socializing Hungarians in Transylvania, Romania: A case of international organizational socialization. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2006, vol. 15, iss. 3, pp. 300–321. DOI: 10.1080/13594320500441545
29. Clark P. W., Martin C. A., Bush A. J. The Effect of Role Model Influence on Adolescents' Materialism and Marketplace Knowledge. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 2015, vol. 9, iss. 4, pp 27–36. DOI: 10.1080/10696679.2001.11501901
30. Karpov A. V., Perevozkina Y. M., Andronnikova O. O. The temporal consistency of role-based socialization of a person. *Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 5 (41), pp. 359–372. DOI: 10.32744/pse.2019.5.25 (in Russian).
31. Karpov A. V. *Psikhologiya soznaniya: Metastemnyi podkhod* [Psychology of Consciousness: A Metasystem Approach]. Moscow, RAE Publ., 2011. 1020 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 09.12.2021
The article was submitted 11.10.2021; approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 09.12.2021